

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА В КАРТИНЕ МИРА И ЯЗЫКЕ ЭПОХИ

Для каждой эпохи характерны свои ключевые слова или слова - символы, слова - фетиши. Обозначая наиболее актуальные явления, реалии, они занимают значительное место в языке определенного исторического периода, активно употребляются в средствах массовой информации, являются неотъемлемой частью языка политики, пропаганды и бытового общения. Ключевые слова играют роль определенных «опорных» точек в построении и структурировании концептуальной и языковой картин мира. Изучение таких языковых единиц позволяет раскрыть основные социальные, культурные, ценностные и др. ориентиры общества и личности эпохи.

В качестве материала для анализа используем художественные произведения, написанные в 80 – 90-е годы XX века, принимая во внимание основное философское понимание роли интерпретации текстов (герменевтики) как одного из способов исследования исторических, культурных, мировоззренческих особенностей временного периода [см.: Дільтей 1996: 36].

Под картиной мира принято понимать совокупность представлений человека об окружающей среде, а основной функцией ее считают описание строения мира, отражение реальной структуры природных явлений [см.: Соколовская 1993: 2]. Известно, что картина мира у человека находится в постоянной динамике и может меняться в течение жизни. Чем менее архаично общество, тем выше динамика изменений. Современный социум, личность отличаются достаточной подвижностью, индивидуализированностью картины мира. Конец XX века для постсоветских стран, личности характеризуется резкой трансформацией социальной, политической, культурной и других сфер жизни, что повлекло за собой нарушение стабильности в складывающейся у индивидов картине мира – как общей, так и индивидуальной.

Трансформация языковой картины мира (или отдельных ее элементов) наиболее ярко проявляется в лексике и особенно в смене ключевых слов исторического момента. В русском и украинском языках последних десятилетий отмечается достаточно динамичное появление и замещение ключевых слов. Так, например, к ключевым лексическим единицам этого периода можно отнести: рус. *гласность, демократия, реформы, рынок, перестройка, приватизация* и др.; укр. *незалежність, перебудова, приватизація, розбудова, роздержавлення* и под. Являясь обозначением своеобразного “общественного идеала”, такие слова, особенно если они приходят на смену отвергнутому явлению, создают своеобразные антонимические пары (например: *плановое хозяйство – рынок; тоталитаризм – демократия; застой – перестройка* и под.). Ключевые слова первое время несут отпечаток “неприкасаемости” и новизны. Постепенно из-за частого употребления новизна стирается, лексические единицы становятся “кирпичиками” некоторого обязательного ситуативного дискурса. Так, например, часто используемые пропагандой, печатью, партийными функционерами *гласность, перестройка, плюрализм, человеческий фактор* становятся к концу 80-х годов своеобразными показателями соответствия требованиям партии, признаками лояльности к новой линии руководства. В речи они звучат уже как штампы с размытой семантикой и массово употребляются в публичных

выступлениях. Ср.: рус. « - Товарищи, сегодня у нас на повестке дня три вопроса. Первое – поездка в субботу за грибами, второе – проводы на пенсию нашего вахтера и третье – *перестройка*. Давайте, товарищи, поактивнее. Чем быстрее решим эти вопросы, тем быстрее пойдём по домам» (Л.Измайлов. «Собрание») и др.; укр. «Кожен кричить про *перебудову*. Про *госпрозрахунок*. Про *сімейний підряд*. І кожен дивиться на мене. А думає про себе...» (Є.Дудар. «Може спробуємо») и др.

Если явление не оправдывает социальных ожиданий, оно и его словесный ярлык предаются осмеянию. В начале 90-х годов «критике» подверглось слово *социализм* и производные от него. Неудавшаяся перестройка, имевшая первое время огромную популярность, как в отношении явления, так и собственно слова, спровоцировала ироническое использование слов, тесно связанных с ней – *перестройка*, *гласность*, *ускорение*, *демократизация* и др.

Среди слов - ключей эпохи есть немало терминов (терминологизированных единиц), называющих важные для общества реалии социально-политической, экономической, культурной жизни. Они позволяют даже в небольших по объёму текстах создать «эффект времени». Например: рус. «*Рынок* развитый построим, / *Демократию* введем, / *Деньги грязные* отмоем / Мы поддельным порошком» (Б.Ревчун. «Политчапушки») и др.; укр. «*Роздержавлення*. *Візія ринку*. / *Перевибори*. *Нафта і газ*. / І стоїть попід стінкою жінка: / «Поможіть на лічення очей» и др. (Л.Череватенко. «Жебрачка»).

Однако для личности определенной эпохи символичность, связанную с отражением «духа» времени, могут приобретать достаточно обширные группы лексических единиц – от абстрактной лексики до обозначений предметов быта. См., например: укр. «Кожна доба вносить у словник свою лексику. Скажімо, соціалізм владно вписав туди «*класову боротьбу*», «*райкоми*», «*колгоспи*», «*трудоодні*», «*пайок*», «*голодомори*», «*блат*», «*бормотуху*», «*ГУЛАГ*», «*Чорнобиль*», «*общепіт*» і т.ін. І як би кому не кортіло викреслити їх звідти (щоб не видавали!), вони залишаться там довіку. ...Новітні часи продовжують історію та філологію. З'явилися «*ділери*» й «*кілери*», «*бакси*» й «*інвестори*» та...»*ментальність*». І ми вже призвичаїлись до них, ніби знайомі з ними бозна відколи...» (Г.Єжелов. «Лицарі чи гречкосії»). Симптоматично, что для словесной характеристики нового периода отобраны иноязычные лексические единицы.

Индивидуальная картина мира будет иметь свои ключевые слова, характерные для личности и обусловленные ее мировосприятием, образом жизни и мыслей. И такая вариативность будет практически неограниченной. Например, для обозначения «самого хорошего» в жизни бывшего партийного деятеля отобраны такие лексические единицы: «Самое хорошее вижу, что в жизни было. *Обком*, *кабинет*, *знамена переходящие...*» (В.Шендерович. «Куклы»).

В украинских произведениях часто акцентируется внимание на том, что в определенный период (конец 80-х, начало 90-х годов) некоторую символичность приобретает слово *ковбаса* – как «символ» тоски по прошлому, старым ценностям (и ценам), показатель изменившихся социальных условий и ориентир будущего изобилия. Так, Н.Г.Сидяченко отмечает, что слово *ковбаса* в «новые времена» приобрело особые коннотации наряду с целой группой слов былой эпохи, а, выступая в качестве эпитета, получило способность обозначать социальные явления (*ковбасна еміграція*, *ковбасна ідеологія* и под.) [см.: Сидяченко 1992]. Например, контексты: укр. ”Знипошліть величезну *ковбасу*. Тому, хто постійно

плаче за *ковбасою*. Та таку величезну, щоб почав їсти сьогодні, а закінчив у царстві небесному” (Є.Дудар. “До Батька”); “Народе *ковбасолюбивий*. Нема *ковбаси!*” (Є.Дудар. “Не хмуртеся”); “Народ все зробить, бо все знає. Зміряти можемо – бо народна мірка...І ця мірка проста і всеохоплююча. Добра до міряння духовних і тілесних вартостей... цією міркою є *ковбаса*. Кілограм *ковбаси*, і то, звичайно, першого сорту” (В.Колісник. “Шостий вимір – ковбаса”) и др.

В определенной мере “знаковыми”, как сейчас принято говорить, являются в языке эпохи слова: рус. *реформы* (*реформировать*)/ укр. *реформи* (*реформування*) и *коррупция* / *корупція*. Они обозначают понятия, стоящие на разных полюсах социального процесса. С одной стороны – положительные изменения в обществе, стремление к лучшей жизни, а с другой – явление, которое тормозит этот процесс, осуждается членами социума.

Слово *реформа* и основные производные от него в 90-е годы переживают актуализацию. В словарях новейшего периода находим: рус. *реформа* – “Преобразование, изменение, переустройство какой-л. стороны общественной жизни”; *реформатор* – “Тот, кто является инициатором реформы и руководит ее осуществлением; преобразователь”; *реформирование* – “Изменение, преобразование (общества, государственных структур) посредством проведения реформ” [ТСРЯКВ: 545-546]; укр. *реформа* – «Перетворення, зміна, нововведення в якій-небудь сфері суспільного життя, галузі знань»; *реформатор* – «1. Особа, що проводить реформу в якій-небудь галузі»; *реформувати* – «Змінювати що-небудь шляхом реформи (реформ); перетворювати, перебудовувати» [ВТССУМ: 1028] и др. В общественном дискурсе активно функционируют сочетания: рус. *аграрная реформа, жилищная реформа, банковская реформа, рыночная реформа, реформа розничных цен, экономическая реформа, реформа здравоохранения, земельная реформа* и под.; укр. *грошова реформа; реформи на селі, реформа збройних сил, пенсійна реформа, ринкова реформа, реформа освіти* и др.

Несмотря на то, что преобразование, *реформирование* общества в начале 90-х годов положительно воспринимается большинством членов социума, слово *реформа* и часть сочетаний с ним в речи получают негативную оценку. См., например, иллюстрацию к словарной дефиниции *реформа*: «К числу ближайших социальных последствий рыночной реформы относятся: общее снижение уровня жизни, рост дифференциации цен и доходов населения, возникновение массовой безработицы. Страна находится накануне реформы розничных цен. Происходит развал экономических связей» [ТСРЯКВ: 545]. Такие употребления связаны прежде всего с тем, что преобразования привели к существенному снижению уровня жизни, социально-политическим, экономическим проблемам и под. Любое изменение привычного уклада вызывает сопротивление у определенной части общества, личности. Это естественная социопсихологическая реакция. Кроме того, у поколений советских людей некоторые сочетания со словом *реформы* активируют негативную оценку, обусловленную или пропагандой, или личным опытом. Так, если “*реформы Петра I*” считались явлением положительным, то “*Сталинская реформа*” – отрицательным. А результат “*Хрущевских реформ*” оценивался в обществе неоднозначно, но в большинстве – негативно, о чем можно судить даже по проявлению этой оценки в жанре анекдота. Все это привело к парадоксальному, но характерному для 90-х годов факту, когда лексическая единица, называющаяся позитивное для общества явление, в контексте достаточно часто может проявлять имплицитную негативную оценку. См., например: рус.

“...Народ – он в целом, идет навстречу *реформам!*...А *реформы* идут навстречу народу!...Теперь вопрос в том, кто дойдет раньше” (В.Шендерович. “Куклы”) и др.; укр. «Відбуваються *реформи* / До запаморочення. / Кожен другий безробітний / І щодня скорочення» (Л.Куліш-Зеньків); «...*Реформа*. Реорганізація. Не встигає. А коли ж йому встигати? За два роки – три *реформи*» (Є.Дудар. “Дрова рублять – тріски летять”) и др.

Художественный текст отражает частотность употребления слова и производных от него, в том числе и в составе устойчивых сочетаний, и весь спектр оценки - от позитивной до негативной. Например: рус. “А они там за нас боятся, на Западе. Вот я им и сигналю: мол, живые мы. *Движемся курсом реформ*. Не съели нас еще” (В.Шендерович. “Куклы”); “*Реформы*, это же так, *бестолковица*. Я за новую линию принципиально!” (А.Трушкин. “Сон”); укр. “Проголосити депутатами все населення, від малечі до старечі. Не треба жодних *реформ*, жодних іноземних кредитів, лиш один декрет, - і заживемо на повну губу” (С.Ципін. “Обери мене!”); «Нової епохи пшеника, / Спершу викопай власну грядку, / А потім збагнеш, що Пинзеник - / Це *реформи* на ґрунті порядку» (П.Осадчук. “Паронормальні явища”) и др.

Особенно актуальной и часто употребляемой является оппозиция *реформы идут – реформы не идут*. Персонажи произведений, как и люди в реальной жизни, живо интересуются тем, идут ли реформы, удивляются, радуются или огорчаются, когда им сообщают, что изменения происходят:

рус. “...Да. У нас сейчас *реформы* идут.

- Да ты что?! Серьезно?! О-о-о! Вот это да! Это – новость!! Хорошо, что сказал...а то шуринов заявился с семьей, ничего не знают, что *реформы* идут... Но сейчас проголосуем – сразу почувствуются перемены!” (А.Трушкин. “Последнее интервью”) и др.; укр. «Якщо життя стає все гіршим, значить, *реформи*-таки *йдуть*» (О.Перлюк. “Фразоньки”) и др.

Дают свое объяснение тому, почему реформы не идут:

рус. “Турки – в ГУМе, урки – в Думе, / Коммунисты во Христе.../ Оттого тут, понимаешь, / И *реформа* не идет!” (В.Шендерович. “Куклы”) и др.; укр. «Пан Президент признався, що робив помилки під час свого президентства...не просував належно *економічних реформ*, бо в уряді були невідповідні люди» (В.Колісник. “Тоді мене можуть повісити...”); “... *Реформи* роблять, не злязючи з печі” (М.Сльозко. “Фрази”) и др.

На другом полюсе социальных изменений – *коррупция*. Слово, ранее обозначавшее реалию жизни капиталистических стран (см.: “В буржуазных странах: подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей” [Ожегов 1984: 264]), в 90-е годы возвращается в актив и употребляется как по отношению к реалиям “застоя”, так и к новой эпохе (рус. *коррупция* – “Продажность, подкуп должностных лиц, государственных чиновников, общественных и политических деятелей; использование должностным лицом своей должности в целях личного обогащения” [ТСРЯКВ: 335]; укр. *корупція* – «Діяльність осіб, уповноважених на виконання функцій держави, спрямована на протиправне використання наданих їм повноважень для одержання матеріальних благ, послуг, пільг або інших переваг. // Пряме використання посадовою особою свого службового становища з метою особистого збагачення. // Підкупність, продажність урядовців і громадських діячів» [ВТССУМ: 457]).

Слово *коррупция* называет одно из наиболее резонансных для общества негативных явлений. В разговорной речи, в языке СМИ, в художественной литературе эта лексема активно проявляет негативную оценку. Например: рус. “Мы... убеждаемся: в городе все прогнило до такой степени, что дальше жить нельзя. Вокруг бюрократизм, чиновничество в худшем смысле этого слова, взяточничество, вымогательство, *коррупция*, протекционизм, блат” (Украина-Центр, 20.03.98) и др.; укр. «...Що керують і грабують /Мафіозні клани,/...Що *корупція* проникла / У структури влади» (М.Сльозко. “Фрази”) и под.

Наряду со словом *коррупция* в речи (в языке СМИ) появляются неологизмы: рус. *коррумпант, коррумпированность, коррумпированный, коррупционер*; укр. *корумпованість, корумпований, корупціонер*. Слово употребляется так же часто, как и другие “символы эпохи”. О коррупции говорят все – от политиков до простых людей. М.Мишин в одном из рассказов приравнивает частоту упоминаний о коррупции в телевизионных программах к частоте рекламы:

“Щелк! – «...а те, кто обвиняет нас в *коррупции*, сами *по уши сидят в коррупции*...но эти факты нами уже переданы *в комиссию по дерь...* то есть *коррупции*, которая работает...»

Щелк! – «...не чисто, а безусловно чисто!..»

Щелк! – «...и уже вскрыты *факты коррупции* сил, которые пытаются не допустить *разоблачений про коррупцию*, которую пытаются свалить на...

Щелк! – «...жареный арахис и много вкуснейшего шоколада!..” (“Кошмар за скобками”).

Частое употребление лексической единицы способствует привыканию носителей языка к слову и производным от него, нейтрализует негативную оценку. Например: укр. “Коли доповідач... кинув із трибуни, що вся вертикаль влади...*корумпована* і клонована, в сесійній залі почувлися ріденькі оплески...” (В.Нестайко) и др.

Коррупция как иноязычный термин в русском языке приобретает семантические коннотации и становится в один ряд с такими давно функционирующими в языке единицами, как: *мзда, хабар, подмазка, магарыч, хапанец* и др. Например, в рассуждении героев из стилизованного рассказа В.Шендеровича “Персидские мотивы” читаем:

“Велел узнать, что такое “*коррупция*”...

- Я слышал. Еще когда шпионил. Это у них там, на Западе...Ну, вот когда чиновник взятки берет, положением своим пользуется...это вот и называется “*коррупция*”.

- У нас, на Востоке... *Мзда!...Калым, хабар, мзда, магарыч, подмазка, хапанец*... это, конечно, есть... *А коррупции нет!*”.

Все изложенное подтверждает мысль о том, что наиболее важные для общества и личности единицы, проявляющие в своем употреблении отчетливый отпечаток социальности, отражают культурную и психологическую доминанту исторического периода, являются ключевыми составляющими языка эпохи. Они же занимают приоритетные места в картине мира, тезаурусе языковой личности, которая стремится к тому, чтобы наиболее точно соответствовать в процессе общения требованиям языкового престижа, оптимальной коммуникативной целесообразности и под.

Литература

1. ВТССУМ – Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В.Т.Бусел. – К.: Ірпінь: Перун, 2001. – 1440 с.
2. Дільтей В. Виникнення герменевтики // Сучасна зарубіжна філософія. Течії і напрями. Хрестоматія. – Київ: Ваклер, 1996. – С.33 – 60.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Издание 15, стереотипное. – М.: Русский язык, 1984. – 816.
4. Сидяченко Н.Г. Нюанси ковбасного епітета // Культура слова. – 1992. - № 43. – С.20 – 22.
5. Соколовская Ж.П. “Картина мира” в значениях слов: Семантические фантазии или “катехзис семантики”. – Симферополь: Таврия, 1993. – 231 с.
6. ТСРЯКВ - Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г.Н.Скляревской. - СПб.,1998. - 701с.